

ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 женщин, изменивших мир



CF FOLIO

Валентин Бадрак

7 женщин, изменивших мир

«Фолио»

2010

Бадрак В. В.

7 женщин, изменивших мир / В. В. Бадрак — «Фолио», 2010

Эта книга научит женщину быть самостоятельной и уверенной, не теряя очарования. Она позволит на практике применить то, что сделало героинь этой книги выдающимися.

© Бадрак В. В., 2010

© Фолио, 2010

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
Клеопатра VII	8
Жанна д'Арк (Жанна Дарк)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валентин Бадрак

7 женщин, изменивших мир

(Опыт выдающихся личностей нашей цивилизации)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Клеопатра, Жанна Д'Арк, Екатерина Вторая, Елена Блаватская, Мария Склодовская-Кюри, Коко Шанель, Мэрилин Монро... Все эти женщины удивительно разные, и вместе с тем, их объединяет одно общее качество: Они сумели не только изумить мир, но утвердить могущество женского начала, вступившего на путь самостоятельного влияния на мир. Они разрушили традиционный и кощунственный для сознания женщины стереотип, – что, будто бы женщина для создания гармоничных, счастливых условий своего существования неизменно должна опираться на мужчину. Многие из них использовали возможности мужчин, но совершали это столь изящно и с таким исконно женским вкусом, что явились в мир самостоятельными, самобытными и достойными восхищения образами. Они остались женщинами – отступницами, самостоятельными фигурами, абсолютными владельцами собственных образов даже в тех случаях, когда меняли их в угоду влиятельным мужчинам.

Развитие цивилизации поставило женщину перед новым опасным выбором: оставаться истинной подругой мужчины, или идти к успеху своим собственным путем, соперничая с мужчиной и доказывая в процессе конкуренции свою состоявшуюся гениальность. Не оспаривая, какой путь является более естественным для женщины, и, оставляя за женщиной право воспользоваться предоставленным тендерным равенством, стоит признать: среди добившихся признания женщин больше всего отчаянных одиночек, которые положили на алтарь успеха часть своего женского начала. Чтобы доказать наличие у прекрасной половины человечества неисчерпаемой энергии духа и способности стать проводником для целых народов.

Не исключено, что главное назначение женщины – вселить несокрушимую уверенность в своем мужчине, сыне или муже, дать ему жизнь, научить любить и чувствовать. В этом заключено и глубокое противоречие, ибо, отдавая мужчине всю себя, женщина нередко растворяет в нем и свою собственную личность. Самым мудрым из них все же удавалось, играя роль женщины-подруги, оставаться самодостаточной, величественной и многогранной личностью, владеющей и вершащей при помощи жаркого пламени любви, гибкости души и пластичности игры. А самые отчаянные из женщин занимались самореализацией, отбросив все приписываемые традицией функции.

Вызов и нестандартное мышление – вот основа для появления женской идеи и создания новых моделей жизни представительниц прекрасного пола. Но в этом одновременно проявляется и их «отступничество» – то, с чем не желает мириться патриархальное общество. Те из женщин, которые оказываются достаточно сильны духом, чтобы выдержать избранную линию, и обладающие достаточной волей, чтобы реализовывать собственные идеи, в конце концов, воспринимаются как победительницы, законодательницы моды в формировании иных, не похожих на существующие, стилей поведения женщин. Это взрывоопасное для общественного мнения поведение, в чем бы оно ни выражалось, – в жажде власти, стремлении к невероятному успеху в профессиональной деятельности, в рискованном пути к богатству или отказе от брака, в свободном проявлении сексуальности, – все это так или иначе, является борьбой за более высокий уровень независимости, за высшую свободу, приравненную к свободе мужского

мира. И надо признать, благодаря самым стойким из женского племени, представительницы некогда слабого пола достигли изумительных и порой пугающих мужчин, результатов.

Клеопатра продемонстрировала миру блеск женщины-царицы, сильной даже в своей слабости, успешной и величественной даже в моменты отчаяния. Это пример игры мужской роли без потери женственного, на основе использования чарующих возможностей и обаяния личности и безупречных практичных знаний, которые делают женщину божеством. В глубинах истории она застыла сияющим символом женской власти, – мягкой, горделивой, гуттаперчивой.

Жанна Д'Арк — мужичка-крестьянка, которая по заданию безымянных, оставшихся в тени истории режиссеров, выполняла роль сказочной девы-воина. Завороженная фантастической миссией сама, она загипнотизировала сознание целой нации. Ее выдающиеся качества женщины проявились тогда, когда она, руководствуясь эмоциональной силой лидерства, пошла дальше своих сценаристов. Она вышла из-под контроля и ошеломила всех, от короля до самого мелкого слуги его двора. Благородство, необыкновенная сила намерения и жажда сияния затмили ее непредусмотрительность, примитивность неразвитого мышления, приглушенную, сублимированную женственность.

Екатерина Вторая отличается от Клеопатры чрезмерной мужественностью образа. Встав на мужское поле борьбы, она, в отличие от Клеопатры, трансформировала свою женскую самость, развив сугубо мужские качества. Она выросла из смертельно опасного периода становления до полной самостоятельности, до кометы, знающей свой путь и ведущей за собой. Клеопатра отдавала эмоциональную и сексуальную силу мужчинам, чтобы воспользоваться, как щитом, их мужскими возможностями военачальников и мощью подготовленных легионов. Екатерина же с простотой неутолимой самки эксплуатировала мужчин для пополнения эмоциональных резервов, мужскую же силу побеждать развила у себя сама, оставив потомкам помпезную, воинственную и горделивую гримасу женщины-победительницы.

Елена Блаватская – безусловный символ духовного превосходства женщины, показатель способности достижения такого размаха влияния, когда признают и лицемерные недоброжелатели, и беспринципные хулители. Но еще – уникальный пример того, что область идей расходится безграничным веером, а сила мысли не имеет пределов. К концу жизни Елена Блаватская превратилась в живого апостола, в апологета непостижимой мистики и колдовской магии. Своим образом и своей ролью женщина утвердила целый ворох важных законов и принципов воздействия на современников и потомков, технологии влияния сделали ее непревзойденной.

Мария Склодовская-Кюри – женщина, провозгласившая равенство полов в сугубо мужской деятельности. Женщина-эмблема, она при жизни превратилась в идола, вещающего новым языком, открывающим новые возможности для притесненного пола. Ее значение не столько в фактических результатах научных поисков, сколько открытии перед женщиной необъятного пространства новизны, наделения женщины обновленным мировоззрением. Ее инъекция – укол сильно действующего средства, отрезвляющего, дающего волю аморфным, силу – беспомощным, веру – заблудившимся в апатичном патриархальном мире.

Коко Шанель прожила жизнь-фейерверк, пленяя мир и преобразовывая внешний облик представительниц прекрасного пола. Она подарила женскому племени феноменальный инструмент использования мужчин для собственного восхождения, для освобождения от вечных пут зависимости, от нелепого явления второсортности женщины в патриархальном мире. Она выросла до искушенной, опытной музы, требующей равноценного обмена, – идеями, в первую очередь. Порой для ее обозначения лучше всего подходит образ пушистого, манящего и вместе с тем прозорливого, на редкость чуткого зверька, снабженного безукоризненно действующим хоботком для высасывания новаторских мыслей.

Мэрилин Монро ознаменовала приход революции женского сознания. Если Коко Шанель изменяла внешность, то Мэрилин Монро расколдовала внутренний мир женщины, смело при-

равняв его в сфере тайных желаний к мужскому. С ней женщина лишилась комплекса второго пола. Из заботливой и брошенной девочки Норма выросла до инфантильной, терзаемой психологическими проблемами Мэрилин Монро, средней актрисы, выпячивающей половые признаки. Но этот тривиальный образ благодаря ее отрешенности и старательности смог прошибить брешь в стене, воздвигнутой предубежденными мужчинами против женской сущности. Сквозь эту брешь устремился новый поток сознания, так необходимый современной женщине для достижения самодостаточности.

Вместе эти семь женщин служат угрожающим мужскому сообществу напоминанием, что женщине подвластен весь диапазон качеств, что женщина является силой столь разносторонней и тонкой, что может претендовать на силу качественно высшего, более подготовленного, лучше осведомленного и просвещенного носителя энергии. Если, конечно, захочет...

Клеопатра VII

69 год до н. э. – 30 год до н. э

Царица Египта, символ единения женского очарования и власти

Совершеннейшее воплощение женщины, когда-либо появлявшейся на свет, царственнейшая из женщин и женственнейшая из цариц, существо, повергающее всех в изумление, превосходящее самое пылкое воображение, – та, кого мечтатель неизменно обнаруживает в основе своих мечтаний.

Теофил Готье о Клеопатре

Клеопатра не нуждается в представлении. Пожалуй, вряд ли можно найти человека, ничего не слышавшего, не читавшего или не смотревшего фильм об этой женщине, живущей в восприятии большинства людей в виде живописной и удивительно пестрой легенды. Но в то же время мало кто старался вникнуть в детали жизненной стратегии Клеопатры, снискавшей славу вовсе не потому, что она была царицей Египта.

Если говорить о Клеопатре как о женщине, добившейся успеха и попавшей на скрижали истории, необходимо заметить, что она, как и подавляющее большинство выдающихся личностей прекрасного пола, прежде всего бросила вызов традиционным представлениям о месте женщины в обществе, существенно расширив их. Она, возможно, могла бы стать женщиной-подругой одного из лучших мужчин своего времени, но с самых юных лет ей пришлось вступить в непримиримую борьбу за собственное выживание, и это наложило неизгладимый отпечаток на ее восприятие отношений между полами. А выжив и начав властвовать, она научилась руководствоваться исключительно собственными интересами, в какой-то степени навязанными происхождением, обстоятельствами и необходимостью тщательно заботиться о своей безопасности в суровом и не ведающем жалости античном мире. В отличие от своих предшественниц, царственных особ Египта, Клеопатра реально управляла государством без соправителя-мужчины. Причем управляла настолько искусно, что сделала Египет мощной и баснословно богатой державой. Не случайно историки утверждают, что роскошь окончательно заполонила Рим с появлением Клеопатры. Она умудрялась скрыто противостоять Римской империи, могучей военной машине, которой к тому времени уже покорялось полмира. Клеопатра прибегала к искусству дипломатии в наиболее сложный для Римской империи период, когда гражданская война в течение долгих лет раздирала грозное государство на части, разведя по разным лагерям наиболее искусных борцов за власть в империи, а ее собственное государство сотрясали смуты. В этих условиях надо было обладать тонким аналитическим умом, чтобы просчитать, на кого делать ставку. Определяя претендента, она максимально и с невероятным успехом использовала для борьбы искусство обольщения, чем добилась славы одной из самых ловких искусительниц в истории. Она сумела связать свое имя с несколькими самыми выдающимися именами Древнего Рима – Гаем Юлием Цезарем, Марком Антонием и Октавианом Августом, что обеспечило ей бессмертие в сообществе этих великих мужчин. И, пожалуй, самое интересное заключается в том, что ей удалось обнажить для истории человеческие слабости этих талантливых мужей, оказавшись все-таки не покоренной ими, но повлияв на разум каждого. Завладев вниманием знаменитых римлян, последняя представительница династии Птолемеев способствовала созданию животрепещущей легенды о таинственной и коварной Клеопатре, уникальной женщине, чья судьба вызывает неизменный неподдельный интерес на протяжении более двух тысяч лет.

Однако сильная воительница была, прежде всего, слабой женщиной – человеком, совершающим ошибки, имеющим слабости, страхи и комплексы. Именно этой, человеческой стороне жизни Клеопатры, а также ее изобретательным стратегиям стоит уделить внимание. Благодаря нескончаемой цепи хитросплетенных интриг она уцелела и в страшную эпоху сумела красиво прожить короткую, но яркую, как вспышка молнии, и полную приключений жизнь, врезавшись в сознание потомков в виде полумифического, насыщенного множеством вымышленных оттенков образа.

От тактики выживания к стратегии успеха

Родиться в I веке до н. э. в многодетной семье царского рода было не менее опасно, чем появиться на свет безнадежным бедняком. И если беднейшая прослойка населения больше всего опасалась голода, эпидемий и отсутствия защиты от всякого физического посягательства, то неспособным бороться за себя царственным особам также грозила неминуемая смерть – от изощренных родственников-конкурентов и более сильных внешних завоевателей. Правила естественного отбора распространялись на всю вертикаль общества – от монарха до раба, и никто, кроме, быть может, лишь обладающих холодной отстраненностью философов, не мог долго ощущать себя уютно в этом мире. Были ли потребностью жителя этого мира всего лишь хлеб на столе или достижение любой ценой высшей власти – никто не решался уверовать в обманчивый комфорт роскоши и эфемерную стабильность бытия.

Воспользоваться высшим правом престолонаследия могли лишь двое детей царя. Вполне очевидно, что отношения между детьми с первых лет жизни неизменно сопровождал смертельный призрак конкуренции, заставляя быстро взрослеть и самостоятельно заботиться о том, чтобы выжить. Жизнь отождествлялась с властью, и только властвующий мог надеяться выжить, опираясь на мощь государственной машины. Поскольку младшие дети нередко рассматривались как потенциальная угроза царствующей паре, их могли устранить физически или, как минимум, под страхом смерти удалить на безопасное от монархов расстояние. Впрочем, нередки были и убийства в самих монархических парах, ведь то были браки не по любви. Таким образом, средние и младшие дети с ранних лет пребывали в состоянии обостренного психического напряжения и душевного смятения. Их взросление сопровождала продолжительная фрустрация¹, заставляя искать альтернативные способы выживания. Неудивительно, что они опирались на голос собственных инстинктов гораздо чаще, чем на рациональные аргументы разума.

Наибольшее влияние на Клеопатру оказал ее отец Птолемей XII, открывший ей множество замечательных возможностей в достижении своих целей благодаря балансированию между врагами, недругами и нейтральными наблюдателями из числа сильных мира сего. Историки, сообщая о нем противоречивую информацию, сходятся на том, что он, не обладая сильной волей, компенсировал слабость характера необычайной хитростью, коварством и жестокостью. Птолемей XII научил девочку этому искусству, изумляющему позже ее современников и опирающемуся на древние религиозные символы, виртуозность подкупа и обольщения, актерский талант и театрализацию любых действий. Именно отцовская инъекция сформировала в девушке уверенность в необходимости искать и находить опору у Рима – для сохранения государственности Египта. Птолемей XII сам обладал талантом влезть в душу даже к дьяволу и обучил этому хитроумному умению свою среднюю дочь. И если он мог задабривать подарками, обещаниями и действовать откровенным подкупом, то Клеопатра обладала куда более грозным оружием – женственностью и беспредельным обаянием. Это оружие ненавязчиво оттачивалось

¹ *Фрустрация* – состояние гнетущего напряжения, тревожности, безысходности и отчаяния, возникающее как следствие невозможности самореализации.

ею с самого детства вместе с приобретением знаний о международной политике, экономике, биологии, филологии и еще множестве наук, которые дети постигали в рамках эллинистических традиций, подкрепленных необходимостью. Знать, чтобы выжить, – таков неумолимый суровый закон жизни. Так или иначе, но и отец, и дочь опирались на неизменно действующий принцип: максимальное использование животного начала в людях, максимально возможное апеллирование к их инстинктам.

Почему именно третья дочь заняла столь важное место в жизни египетского царя? Тому, как кажется, есть несколько веских причин. Во-первых, старшие дети, ожидающие восхождения на престол, в противовес отцовской бесхарактерности развивали в себе и демонстрировали для устрашения окружающего мира, даже больше, чем сам властитель Египта, немыслимую жесткость и волю в характере, необходимые для управления государством. Младшие же, чтобы не быть истребленными, вынуждены были учиться гибкости, стать умелыми интриганами, тщательно маскировать свои намерения и демонстрировать высокое искусство дипломатии. Именно такая роль была близка самому Птолемею XII, который стал царем благодаря исключительной политической ловкости и зловещему сплетению дворцовых интриг. Восхождение к власти его самого явилось невероятным и небезопасным трюком, поскольку египетский правитель был незаконнорожденным сыном Птолемея IX, а после кончины отца был отодвинут в пользу другого претендента. Жизнь научила его не только смиренно ждать своего часа, но и тайно влиять на события.

Как паук, он в ледящей тишине плел таинственные сети, опутывая ими всех. Второй причиной, по которой отец приблизил к себе Клеопатру, оказался его возраст. Как указывает Майкл Грант, Птолемею XII не было и двадцати, когда он был провозглашен царем. Зыбкость его позиций и динамично меняющаяся политическая обстановка не позволяли ему в это смутное время ощутить себя по-настоящему отцом. Зато к моменту взросления Клеопатры и четвертой дочери Арсиной он чувствовал себя более уверенно и, по всей видимости, начал активно готовить опору на будущее. Две старшие дочери, тоже Клеопатра и Береника, были потеряны для него: они выросли слишком негибкими и чрезвычайно властолюбивыми; учить их уже было поздно. Из-за своих тайных дипломатических войн и интриг он упустил главное – духовную связь с дочерьми. Но главное было то, что для собственных быстро взрослеющих и стремящихся к власти старших дочерей, как это ни парадоксально, он уже был конкурентом и служил целью, которую надо было со временем устранить. Никто никого не щадил только за то, что узы кровного родства связывали всех этих отчаянных людей под одной фамилией.

Младшие сыновья были слишком юны, чтобы усвоить тайны дипломатии. Оставались средние дочери, Клеопатра и Арсиноя, две царевны с небольшой разницей в возрасте, которым можно было передать искусство управления государством. Пожалуй, была еще одна веская причина такого решения стареющего Птолемея – слишком большой разрыв в возрасте между старшими дочерьми и младшими сыновьями. Ведь им предстояли кровосмесительные браки, а Птолемей хорошо помнил, за что поплатился его предшественник. Принужденный римским диктатором Суллой жениться на своей мачехе, он убил ее, но и сам за это был низвергнут народом. А с одной из средних дочерей Птолемей в конце концов и сам мог бы стать соправителем, составив новый семейный союз: он готовился к старости...

Последующие события показали, что расчетливый египетский монарх не ошибся. Когда в стране начались смуты (не исключено, что не без участия двух ставших совершеннолетними старших дочерей), Птолемей XII вынужден был бежать за поддержкой в Рим. Некоторые летописцы уверены, что Клеопатра сопровождала его в этом путешествии и это позволило девочке-подростку многому научиться и усвоить хитроумные уловки отца.

К тому времени, когда несколько окрепший царь при поддержке Рима вернулся в Египет, его старшая дочь уже была убита (вероятно, людьми Береники, победившей в разразившейся войне за власть), саму же победительницу восстановленный монарх покарал смертью,

заодно дав урок оставшимся детям, как необходимо обходиться с отцом. Несомненно, Клеопатра была потрясена таким ходом событий, но сама жизнь заставляла ее стремительно взрослеть и учиться жить по законам взрослого мира, не ведающего ни сострадания, ни жалости к ближнему. Для девушки еще один важный урок заключался в осознании, что с воинственными родственниками невозможны полумеры: оставленные в живых во сто крат опаснее тех, которые еще не втянулись в истребительную борьбу. Жестокость и дикость были данью времени: братья и сестры одинаково спокойно относились и к тому, что нужно делить между собой ложе, и к тому, что нужно уничтожать друг друга. И то и другое имело одну банальную цель: выжить.

Испытания Клеопатры, ставшей соправительницей отца, начались почти сразу. Через несколько месяцев Птолемей XII покинул этот мир, оставив юную дочь наедине с накатывающимися снежным комом фатальными обстоятельствами. Клеопатра благоразумно скрывала кончину отца от римлян, что дало ей временную отсрочку в несколько месяцев. Она вела себя с поразительным хладнокровием, взявшись за традиционные методы укрепления власти. Манипуляция религиозными символами и мистерия обожествления были первым необходимым шагом в цепи восшествия на престол и закрепления Клеопатры в роли царицы. Став женой своего младшего брата Птолемея XIII, она совершила культ царей. Последний предназначался для формирования устойчивого общественного мнения внутри Египта и являлся официальной доктриной обожествления при жизни. Причисление себя к лику святых, богами посланных править этим государством, призвано было утешить сомневающуюся часть населения и убедить потенциальных возмутителей спокойствия в стабильности и прочности настоящего государственного управления. Мистика таинства воздействовала на очень многие головы, заставляя воспринимать царицу богиней Исидой, а царя – богом Осирисом. Юная царица знала цену религиозным символам и в течение жизни не раз прибегала к ним для укрепления своих позиций и даже просто чтобы произвести впечатление на окружающих.

За два года, прошедших от воцарения до появления в Египте великого воителя Юлия Цезаря, Клеопатра показала себя вполне состоявшимся лидером. Кроме обожествления себя, она осуществила ряд шагов, рекламирующих ее как единовластную правительницу. Например, одна (без соправителя) заменила священного быка в одном из основных святилищ, начала чеканить монету с собственным изображением, словно забывая о своем более молодом брате-муже. Она справилась с неурожаем и даже рискнула стать на сторону одного из римских наместников во время его спора с другим. Правда, в такое шаткое время Клеопатра благоразумно объявила и о том, что ее брат Птолемей XIII является соправителем. И, по всей видимости, вклинивание в раздор между сильными римлянами было серьезным просчетом, едва не стоившим жизни молодой царице. Противники, выступавшие в составе регентского совета юного царя, тотчас воспользовались ситуацией, и Клеопатре под страхом гибели пришлось на время оставить египетскую столицу. Можно лишь гадать, чем бы завершился новый виток борьбы за власть, если бы в этот момент на египетский берег не высадился Юлий Цезарь со своими непобедимыми легионами.

Клеопатра осознала всю историческую глубину этого события и совершила невероятный по смелости и оригинальности шаг – предстала перед прославленным полководцем в образе смущенной просительницы. Причем с явной целью совратить воителя для решения своей главной проблемы: ей надо было выжить в этой сложной обстановке всеобщей враждебности. На этот раз она сделала правильную ставку, в результате чего ее ждал неожиданно баснословный выигрыш...

Блистательность блефа и искусство лавирования

Египетская царица с детства хорошо усвоила законы психологии и понимала, куда могут завести инстинкты могучих властителей Рима и сильных, на первый взгляд, мужчин. Она

использовала эти знания всякий раз, когда была необходима сделка. Когда в возрасте двадцати одного года она встретила с Юлием Цезарем, любвеобильным пятидесятидвухлетним зачинщиком гражданской войны, у нее не было иного выхода, кроме как обольстить тонкого ценителя женской красоты. Ведь к тому моменту Клеопатра уже хорошо знала, как отнесся властитель Рима к убийству своего противника Помпея Великого и организаторам убийства, находившимся в окружении ее брата. Клеопатра также хорошо знала, что евнух Потин, главная опора ее младшего брата Птолемея, люто ненавидит римлянина, так беззастенчиво ворвавшегося в его сферу влияния. Кроме того, Цезарь вряд ли обрадовался тому факту, что Потин от имени Птолемея XIII снабдил сына вероломно обезглавленного Помпея кораблями и солдатами. Таким образом, и у Цезаря возможности маневра были не велики: ему нужны были незыблемая поддержка и ресурсы Египта для оплаты усилий своих легионеров.

А поскольку он не мог рассчитывать на окружение Птолемея XIII, а смелость и готовность к борьбе Клеопатры внушили ему доверие, он сделал ставку на нее. Конечно, обаяние Клеопатры, ее девичья свежесть и решительность стать на сторону римского полководца довершили дело, но это было вторичным фактором. Их связи никак не помешал тот факт, что Клеопатра, при ее знании полутора десятка языков, к моменту встречи с воителем все еще не владела языком римлян. Приворожив Цезаря, Клеопатра неминуемо воспользовалась частью его имиджа победителя. Благосклонность полководца стала на долгое время стеной безопасности, отделяющей Египет от хищных взглядов римлян.

Там, где ненавязчиво делятся государства и мановением руки вершатся судьбы целых народов, сложно говорить о трепетной романтической любви. Попав в постель будущего императора Рима, Клеопатра начала активно действовать, проявив при этом не столько энергичность, сколько трезвость мышления, подкрепленную острой приправой женского очарования.

Для начала Цезарь был вынужден уравнивать в правах царицу и Птолемея XIII. На деле это означало восстановить единоличную власть Клеопатры. Цезарь имел в Египте свой важный интерес, и Клеопатра отчетливо уловила это. Она сумела убедить полководца в том, что не только является партнером в постели, но и вполне способна решать военные и политические задачи. Как справедливо отмечает исследовательница мотивации взаимоотношений египетской царицы с римскими полководцами Люси Хьюз-Хэллет, жестокая нужда в деньгах, а вовсе не помутневший от любовных ласк Клеопатры разум полководца удерживала Цезаря в Александрии. Долгая борьба нервов, наконец, привела к выяснению отношений на поле брани между сбежавшим из дворца Птолемеем XIII и легионами Цезаря. Не исключено, что военное противостояние было спровоцировано Клеопатрой, которой нужна была определенность. Для нее опять наступил выбор между смертельным риском (ведь Цезарь с малочисленным войском мог и проиграть в этой схватке) и невыносимым выжиданием. Клеопатра всякий раз выбирала активные действия, предпочитая рисковать, чем терпеливо ждать развязки. Причем она всегда осознанно и с тщательной подготовкой шла навстречу опасности, руководствуясь какой-то мужской логикой, лишь приправленной неожиданной и непредсказуемой для всех женской тактикой. Во дворце она всячески подстрекала четырнадцатилетнего брата-царя к бурному проявлению эмоций, и этот трюк, в конце концов, удался. Его результатом стал молниеносный и жестокий разгром мятежных войск и смерть Птолемея XIII, который утонул из-за тяжести золотых доспехов. Цезарь, которому также нужна была стабильная ситуация на границе империи, теперь имел двойную выгоду: он мог оставить в Египте преданного человека, связанного с ним гораздо более тесной связью, чем просто дружба или обещания. И он мог рассчитывать на получение необходимых ему ресурсов.

Но даже такой расчетливый человек, как Юлий Цезарь, не мог предположить, что Клеопатра намерена сама стать весомым и во многом самостоятельным политическим игроком, а не довольствоваться ролью богатой фаворитки на задворках империи. На редкость изобретательная женщина для верности решила посильнее привязать мужчину старым и верным способом

– родив ему наследника. У Клеопатры было несколько веских причин для такого шага. Во-первых, у Цезаря не было наследника, и сын от египетской царицы вполне мог бы стать таковым. Во-вторых, ребенок от властителя Рима должен был служить защитой для нее самой: кто из не страдающих близорукостью римских граждан посмеет низвергнуть женщину, имеющую ребенка от первого гражданина Рима? Этим шагом она намеревалась уравнять себя в правах с римлянами. И в-третьих, что самое важное, если в будущем Египтом будет править сын Римского императора, вовсе не обязательно присоединять это государство к империи. Рождение сына от первого среди равных в Риме, таким образом, сулило независимость Египту.

Но Клеопатра лишь одно не смогла предусмотреть: что Цезарь не станет официально признавать очевидное – что это его ребенок. А Цезарь поступил именно так, поскольку речь шла уже о его репутации, а значит, и о политическом долголетии. Он мог, руководствуясь моралью общества своего времени, иметь сколь угодно много любовных связей вне семьи. Этот величественный и, без сомнения, гениальный полководец лишь снисходительно улыбался, когда его легионеры во время триумфов с задором распевали веселые песни о лысом развратнике. Но он не мог позволить, чтобы наследником империи стал человек, не являющийся гражданином Великого города. Вернее, он не мог бы узаконить такого хода событий, даже если бы хотел этого. Даже Цезарь был скован обстоятельствами, которые были выше его власти. Цезарь не признал ребенка даже тогда, когда Клеопатра, не выдержав, появилась в Риме.

Возможно, Клеопатра была озадачена, удивлена и даже раздражена. Но тот факт, что она оставалась в столице мира непредвиденно долго, для всех наблюдателей за развитием отношений двух исторических личностей служил сигналом ее двоякого восприятия событий. С одной стороны, она не теряла надежды повлиять на императора, а с другой – сделала целый ряд хитроумных попыток привлечь на свою сторону наиболее заметных игроков в империи. То есть фактически готовила себе новые тылы – на случай, если развитие отношений с Цезарем по каким-либо причинам станет невозможным. Ведь она оставалась в Риме и тогда, когда сам неисправимый завоеватель вынужден был по государственным делам оставлять столицу. А может быть, она стремилась к усилению своих позиций параллельно отношениям с диктатором – ведь и самому Цезарю было бы легче вести диалог с влиятельной властительницей богатой державы, чем с нетерпеливой просительницей-любовницей.

Убийство Цезаря стало потрясением для Клеопатры, перевернувшим всю ее дальнейшую жизнь. Но совершенно очевидно и другое: египетская царица ни на миг не теряла самообладания, ей было чуждо отчаяние и лихорадочные непродуманные действия. Может быть, она не испытала и ощущения внутренней утраты. Цезарь был для нее опорой в этом мире, но его мир не мог стать миром Клеопатры. Она жила в другом, восточном измерении, никогда не теряя чувства реальности; она отдавала себе отчет, что не сможет стать для Цезаря даже тем, чем была для Александра Македонского Роксана. И не только потому, что Цезарь не посмел бы так жестоко играть с окружением, возвышая женщину, которая не является римлянкой. Но еще и потому, что и сама Клеопатра уже давно отвела себе более весомую историческую роль: она никогда бы не позволила себе довольствоваться лишь ролью жены – пусть даже величайшего человека на Земле. Она была самодостаточным сформировавшимся психотипом с чрезвычайными для женщины амбициями; ей нужна была не только свобода действий, но и простор, опирающийся на политическую поддержку сильных мира сего и на несметные богатства Египта. Она уже обладала высокими знаниями и вкусила прелесть роскошной жизни на вершине существующего социума. К тому же у нее не было пути назад, к существованию в более простых социальных условиях. Как владычица государства, более слабого в военном и политическом отношении, чем Римская империя, она была легкой добычей, и это было вечным стимулом действовать жестко, трезво и решительно. После внезапной смерти Цезаря и оглашения его завещания, из которого следовало, что ни Клеопатра, ни ее сын не получают ничего, она еще раз

осознала, как близка грань, за которой таится и ее гибель. Царствовать или умереть – было ее вечным земным крестом, который она несла в себе.

Именно поэтому после мартовских ид Клеопатра стала действовать еще более холодно и беспощадно, руководствуясь твердым, бесчувственным расчетом. Не потому, что в ее сердце не было чуткости и нежности, а потому, что смертельная опасность грозила теперь ей и ее маленькому сыну. Ей оставалось либо ждать развития событий, закрыв глаза и уши от страха и отчаяния, подобно страусу, прячущему голову в песок, либо активно действовать, влияя на происходящее и самостоятельно вписывая в историческую летопись грандиозные события.

Что сделала египетская царица, лишившись Цезаря? Она должна была устранить возможные угрозы и обеспечить выживаемость сына – до того времени, когда сумеет найти новую опору. Ровно полгода ей понадобилось для приведения в действие своего жуткого плана. Согласно сценарию, ее младший брат и соправитель неожиданно заболел и скоропостижно скончался. Царице не оставалось ничего другого, как сделать соправителем своего собственного сына Цезариона. Это было двойным символом: во-первых, маленький человечек стал божественной и неприкосновенной особой для египтян, во-вторых, это событие должно было напомнить Риму, что незаконнорожденный наследник великого Цезаря (который спустя полтора года после убийства и сам был причислен к богам) неуклонно следует традиции могущественных и божественных правителей, традиции своего знаменитого отца. Клеопатра, конечно, хотела уравнивать своего сына в правах с Цезарем. И поднять таким способом уровень своего величия – в глазах римлян, где она оставалась лишь одной из многих любовниц этого прославленного гражданина Рима.

Отныне царица не желала делать скоропалительных и явных ставок на кого-либо из римских воителей. Она не поддержала обратившихся за помощью заговорщиков, ссылаясь на неурожай в Египте. А помощь сторонникам Цезаря – Марку Антонию и Октавиану – скорее инсценировала, чем пыталась оказать, поскольку, выведя свой флот из Александрии, по предположению некоторых историков, возвратила обратно, ссылаясь на рассеявшую корабли бурю и внезапную собственную болезнь. Впрочем, этот эпизод дает дополнительные штрихи к портрету Клеопатры. Как отмечает Майкл Грант, до нее ни одна из цариц эллинистических государств не принимала на себя прямого командования военным флотом (и, похоже, такого в мировой истории не случалось и после Клеопатры, хотя Маргарет Тэтчер организовала военно-морскую кампанию в Атлантике, разумеется, не принимая прямого руководства). Второй штрих еще более важен, поскольку раскрывает талант женщины-дипломата, искусно обошедшей смертельные препятствия в образе грубых и жестоких к оппонентам римских полководцев. Хотя кажется очевидным желание Клеопатры выступить на стороне цезарианцев, на самом деле не все так однозначно. И неудачное выступление флота, и опоздание после этого к решающему сражению вновь набранного флота, принимая во внимание организаторские способности царицы, говорит скорее о ее таланте в театрализации действий, нежели о реальных намерениях. Интересно, что она не просто сама играла роль, а разыгрывала представление при помощи многочисленных марионеток в виде полководцев, войск, окружая все это жизненными декорациями в виде морской стихии и кораблей. Цезарь уже был мертв, а кто возвысится после него, было совсем не ясно. Поэтому поведение Клеопатры, для которой неверная ставка означала низвержение и смерть, мало вязалось со светлой памятью о могущественном любовнике. И если бы проиграли Антоний с Октавианом, Клеопатра смогла бы объяснить слабые попытки помочь им страхом перед угрозами римских полководцев. Зато после очевидной победы триумфиров египетская царица легко выставила себя жертвой жестоких и непредвиденных обстоятельств.

Когда же спор разрешился, Клеопатра всерьез задумалась над необходимостью новой поддержки. Она не могла, подобно своему отцу, отправиться в Рим с подарками и обещаниями. Женщине сблизиться с кем-либо из знатных римлян было во сто крат сложнее, чем муж-

чине. Она жила в патриархальном мире, где статус женщины диктовался мужчиной и неизменно определялся как вторая роль. Царица могла лишь ждать удобного случая, чтобы не обнаружить желания слишком очевидно. Но, конечно, решение Клеопатры приняла задолго до новой встречи – она всегда заботилась о максимальной осведомленности о слабостях и пристрастиях римлян, об их передвижениях и планах. Внимательные исследователи ситуации в Египте после гибели Цезаря справедливо отмечают, что у Клеопатры едва ли был выбор. Из трех триумвиров, оказавшихся у штурвала истории, лишь двое попали в поле зрения египетской царицы. И не только потому, что Марк Антоний и Октавиан были яркими личностями и обладали реальной властью. Третий участник сговора, Лепид, не имел никаких шансов стать официальным наследником Цезаря, тогда как первые двое были признаны таковыми в Риме. Есть еще один важный штрих: именно Антоний был военным наследником Цезаря, а его авторитет резко вырос после победы над основными заговорщиками. Антоний как перспектива выглядел гораздо привлекательнее остальных. Не говоря уже о его внешних данных: мускулистый и мужественный, он смотрелся явно привлекательнее худощавого, болезненного, не богатого на эмоции Октавиана. Вот в чем кроется разгадка действий Клеопатры, которая к тому же должна была сделать ставку вслепую, даже не видя претендента. То, что она мельком встречалась с Антонием раньше, не имело никакого значения, ведь тогда она не рассматривала его как объект обольщения. Окажись все наоборот, она постаралась бы вскружить голову Октавиану или Лепиду. И наверняка преуспела бы в этом. И вряд ли сдерживающим фактором был бы возраст. Хотя и тут все оказалось на руку Клеопатре: Антоний к тому моменту уже был сформировавшимся сорокалетним мужчиной в расцвете сил, а Октавиан – тщедушным юношей, не выглядевшим даже на свои двадцать два. Самой Клеопатре в ту пору было около двадцати восьми...

Конечно, египетская царица знала о повышенном интересе Антония к противоположному полу, его простоватости и смирении перед воинственной и необычайно властной женой Фульвией. Она долго и хорошо готовилась к встрече, поскольку отчетливо представляла себе не только цель такой связи, но и механизмы для приведения в действие задуманного. Но, конечно, было бы наивным полагать, что римский полководец попал в сети Клеопатры, как глупый мышонок, жаждущий новых любовных приключений. Их первая встреча была обставлена с таким фарсом и такими яркими декорациями, что только неискушенный наблюдатель мог бы предположить, что речь идет о некой цепи романтических случайностей, закончившихся великой любовью.

На самом деле все было гораздо проще: и для Клеопатры, и для Антония любовный роман был лишь скреплением политической сделки. Лишь с той, возможно, разницей, что где-то в глубине души Клеопатра таила надежду, что этот мужчина окажется ее долгожданным спутником, необходимым ей как женщине, как матери и лишь потом как правительнице государства. Но на поверхности иерархия ценностей выглядела перекрученной. Клеопатре Антоний был нужен для укрепления власти, а значит, для продления периода ее физической безопасности и устранения угроз. Для Антония, как и прежде для Цезаря, Клеопатра с ее Египтом была нужна как вассальное и союзническое государство, снабжающее империю хлебом, деньгами и другими необходимыми для войны ресурсами. Именно для войны, поскольку и Антоний, и Октавиан (а на тот момент еще и Лепид) осознавали, что их договоренности о совместном управлении империей – лишь оттяжка решения ключевого вопроса: кто останется у руля империи, а кто отправится в царство теней.

Мог ли политический союз заключиться без интимной печати, поставленной на соглашении Клеопатры и Антония? В этом нет никакого сомнения, принимая во внимание ситуативные выгоды. Также не стоит сомневаться, что постель как логическое завершение переговоров было делом рук Клеопатры. Ей, женщине, более чем переборчивой в отношениях с мужчинами, Антоний был нужен гораздо больше, чем она сама триумвиру, для которого не было

никаких преград и проблем в заведении бесчисленных романов за пределами семьи. Для Антония интимная связь с Клеопатрой была лишь действием в рамках существующей идеологии современного ему общества, прологом любого романа. Так поступали Юлий Цезарь, любовницы были и у Октавиана, и у многих других знатных римлян. Но это была мужская идеология, непозволительная для женщины. Поэтому для царицы Египта Антоний был зацепкой для более длительных отношений, создания некоего подобия семейной ячейки. Клеопатра постаралась сделать все, чтобы приковать к себе полководца, и в конце концов ей это удалось. Несмотря на то что окончательному успеху, выраженному в существенном влиянии (но, конечно, не полном) на своего мужчину, предшествовала трехлетняя разлука, убедившая Клеопатру в слабости и непоследовательности ее избранника.

Клеопатра сумела использовать свое женское обаяние и необычное искусство дипломатии для эксплуатации лучших мужчин своего времени, и в этом заключен самый важный штрих восприятия ее образа последующими поколениями. Хотя кажется, что в мотивации Клеопатры-царицы разобраться довольно легко, мотивация Клеопатры-женщины представляет гораздо более сложную формулу. Вполне возможно, что как в отношениях Клеопатры с Цезарем, так и в ее отношениях с Антонием произошли наложения двух ключевых стремлений – выжить в роли правительницы Египта и создать моногамную ячейку. В конце концов, она была женщиной и ей, пусть где-то глубоко внутри естества, хотелось обычного человеческого счастья, выраженного в желании созерцать своих подрастающих детей рядом с надежным и сильным спутником. Хотя эти желания были глубоко подавлены необходимостью вести образ жизни царственной особы, балансируя между низвержением и величием. Поиск адекватного мужчины для организации семейного уклада в той или иной степени можно считать стандартным желанием каждой женщины, в отношении же царицы это утверждение вряд ли может быть тождественным. С одной стороны, Клеопатре хотелось, чтобы рядом с ней находился уверенный в себе мужчина, почитаемый элитой общества, – мужчина, подходящий ее положению. С другой – вопрос собственного дома – Египта – неизменно имел несоизмеримо большее значение, чем такие эфемерные для властителей понятия, как любовь, брак и семья. Наличие этой дилеммы необходимо учитывать, чтобы до конца осознать природу мотивации отношений Клеопатры с двумя наиболее влиятельными мужчинами своего времени. Ключевым штрихом выбора царицы Египта был тот неизменный факт, что усиление трона означало жизнь, а его ослабление немедленно приближало владычицу к краю свежерытой могилы, которую многочисленные недруги всегда держали наготове. Но поскольку идеальных людей не бывает, оба знаменитых римлянина подходили Клеопатре лишь частично. Цезарь был ослеплен жадой великих побед, идеей написания собственной рукой исторической летописи, потому он мало подходил для семейной жизни. Кроме того, Рим, поскольку был объектом власти, имел для него значение, не сравнимое со всеми женщинами на свете. Но он позволял себе увлечься, и царица сумела извлечь из этих увлечений максимальную пользу. Антоний не подходил ей по другой причине: в отличие от Цезаря он был не так целеустремлен; он не обладал такой сильной волей и психически был слабее самой Клеопатры. Антоний был наиболее реальной фигурой, на которой можно было остановить выбор, и Клеопатра старалась, как могла, вырастить из него могучего полководца. Но ей не удалось сделать из своего мужчины то, что сделала Ливия из слабого и во всем сомневающегося Октавина. Явление миру великого императора Рима Октавиана Августа – дело рук его жены Ливии, тогда как гибель Клеопатры и Марка Антония – это результат слабости последнего. Клеопатра осознавала эту проблему задолго до решающей битвы при Акции, заставившей их обоих наложить на себя руки. Не случайно историки упоминают, что Клеопатра всякий раз ободряла Антония, стимулировала его военные походы, не говоря уже о том, что она обеспечивала эти походы всем необходимым. Плутарх приводит замечательную историю, которая символизирует отношения этой пары и роль Клеопатры в этом союзе. Когда Антоний как-то занялся рыбалкой, Клеопатра приказала одному

из своих приближенных тайно нанизать на крючок соленую черноморскую рыбу. Полководец вытащил рыбу и был поднят на смех. Но Клеопатра совершенно серьезно сказала ему: «Император, лучше оставь удочки нам, бедным правителям Фароса и Канопы. Твое дело охотиться за городами и царствами». Кстати, знаковым является и то, что она называла его императором, а ведь он был лишь триумвиром, соправителем. И если, согласно Тациту, в слово «император» иногда вкладывалось значение «полководец, ведущий военные действия от имени Рима», то и тут такое обращение Клеопатры можно расценить как стимул действовать. Она искусно возбуждала его психику, подготавливая более весомую роль, нежели он играл.

Именно вследствие названных причин интимные отношения с Цезарем и Антонием для Клеопатры были вторичными. Более того, искусство оболыщения и могучая сила женственности служили лишь оружием в борьбе за жизнь и власть. Но в этом было мало двусмысленности, потому что побудительными мотивами действий Цезаря и Антония в отношении Клеопатры являлись честолюбие и тщеславие, а отнюдь не любовь и нежность. Заслуга же Клеопатры состоит в том, что она сумела заставить этих, несомненно, выдающихся мужчин обратить на себя внимание не только как на женщину, но и как на талантливого политика, поверить в ее способности управлять государством, вести важную политическую и межличностную игру. Речь фактически идет о том, что Клеопатра, оставаясь женщиной, оказалась способной выполнять и мужскую функцию. Эта ее социальная двуликость и умение играть в обществе роль то оболыстительной женщины, то могучего правителя и политического игрока античного мира и оказались для современников и историков тем козырем, который резко выделял ее из сообщества женщин. И не только женщин Древнего мира.

Наиболее интересным в образе Клеопатры является то, что в отличие от женщин-политиков более поздних эпох ей для своего возвышения не пришлось подменять полоролевую функцию, другими словами, не пришлось становиться мужчиной в женских одеждах. Она слыла заботливой матерью и нежной любовницей, и это было так же естественно, как и управление крупным государством, с укрощением мятежей и заговоров, подготовками к войнам и сложными политическими манипуляциями. Строго говоря, среди современниц Клеопатры были и царицы, и воительницы. К примеру, жена Марка Антония Фульвия едва ли не взяла на себя роль римского полководца. Но при этом ее образ моментально лишился женственности в глазах подавляющего большинства римлян. Тогда как Клеопатра оставалась прежде всего женщиной и именно как женщина, как искусительница и охотница за сердцами самых сильных мужчин представляла главную угрозу в глазах всемогущего Рима.

Создание исторического мифа

Клеопатра жила в эпоху, когда виртуозность манипулирования сознанием общества достигалась путем молниеносного распространения слухов, непрерывной работы авторитетных агентов влияния, астрологов и предсказателей, авторов книг и религии. Причем последнее было наиболее действенным средством. Живые деятельные люди и мифические образы богов в значительной степени формировали и корректировали общественное мнение, навязывали образы и делали легенды частью биографий.

Клеопатра хорошо усвоила это с раннего детства, используя все возможные элементы воздействия на психику окружающих – от пестрой одежды и величественной манеры держать себя до виртуозного использования всякого, кто мог умело содействовать театрализованному представлению длиной в жизнь. Египетская царица беззастенчиво присвоила себе титул богини Исида, появляясь на публичных мероприятиях непременно в одежде священной особы и совершая мистические культы этой богини. Что, конечно же, психологически воздействовало на народ, распространяя волны восторженной и благоговейной легенды. Во время первой встречи с Антонием было столько фарса и столько декораций, что мифов о ее таланте созда-

вать из любого события помпезное представление хватило на целую эпоху – вплоть до обезумевшего от власти Нерона. По мнению Хьюз-Хэллет, декоративность визитов и перемещений лидеров государств имела еще одну важную сторону: продемонстрировать экономическую мощь государства через показное изобилие. Может быть, и так, но тем не менее театрализация сопровождала всю жизнь царицы и, по всей видимости, была одной из форм самовыражения, проявления внутренней демонстративности натуры и женской силы. Например, появившись в Афинах во время подготовки к войне с Октавианом (где уже действовала негативная пропаганда Октавиана и Ливии), Клеопатра таки сумела приобрести популярность, мастерски используя свои актерские способности, яркие костюмы, а также немалые денежные средства. Царица так хорошо играла роль богини Исида, так ловко демонстрировала знаменитому городу щедрость, что на фоне вводившего новые налоги Октавиана добилась не только комплиментов, но и беспрецедентного поклонения в виде установления в Акрополе статуи в одеяниях богини Исида.

Среди методов воздействия владычицы Египта стоит отметить и якобы тайное распространение пророчеств. Базировались они на общем настроении населения Египта, заключавшемся в неприязни и даже ненависти к Риму, от которого исходила вечная угроза. Фактически Клеопатра ловко эксплуатировала в своих личных целях противостояние Востока и Запада. У историков нет достоверных данных о том, что царица как-то влияла на составление пророчеств, но она явно содействовала негласному распространению слухов о том, что прорицатели «видят» конец владычества Рима и что осуществит это тайное желание Востока женщина-правительница. Нетрудно догадаться, что такой женщиной могли видеть лишь Клеопатру. Впрочем, у этих слухов была и обратная сторона: Октавиан потом воспользовался этими же слухами для создания в образе Клеопатры алчущего врага империи.

Подобно всем царям и правителям, для воздействия на современников Клеопатра использовала возведение храмов, статуй себе и богам, а также чеканку монеты со своим изображением. Идеология таких действий состоит в следовании целостной жизненной стратегии правителя, направленной на то, чтобы оставить после себя как можно больше материализованных свидетельств своих весомых деяний. В этом нет ничего новаторского, и такие действия содержатся в истории любого правящего лица. Но все же поражает активность Клеопатры в расширении пространства своего влияния. Пользуясь своей способностью воздействовать на Марка Антония, она добилась, чтобы ее изображение оказалось не только на монетах, обращавшихся в Египте и восточных землях империи, но и на римской монете, что при наличии признаков республики и ограничений власти консулов и триумвиров было вызовом западному обществу и, естественно, способствовало созданию исторического образа. Будучи женщиной, подругой римского полководца, Клеопатра всегда вела собственную игру, играла собственную роль, которая часто была более сильной и серьезной, чем роль самого Антония. Клеопатра слишком часто затмевала своего спутника жизни, и это в результате дало ей больше возможностей для того, чтобы быть замеченной летописцами и поэтами, чтобы «запомниться». При чем для этого Клеопатра осознанно использовала практически весь арсенал возможностей.

Клеопатре нужны были могучие мифы, поскольку они вступали в противодействие с другими легендами, направленными против нее. Эти легенды не менее искусно распространялись в Риме, городе, где искали малейшего повода для низвержения Клеопатры и присоединения богатого Египта. Но Августу также нужны были легенды, и поскольку образ Клеопатры к моменту столкновения с ним прибрел черты исторической личности (и не только из-за романа с Юлием Цезарем), он вынужден был принимать этот неоспоримый факт во внимание. Хотя он представил в Риме Клеопатру врагом – чтобы отобрать власть у Антония, но тем не менее не позволил очернить ее образ. Например, он дал ей возможность умереть самостоятельно, передав через своего полководца, что намерен провести царицу по Риму во время триумфа. Но вряд ли он намеревался это сделать, и не только из-за того, что такой шаг мог бы омрачить

память Цезаря. Октавиану, чтобы через три года превратиться в великого Августа, необходимо было продемонстрировать победу не над слабой женщиной, а над могущественной правительницей, сохранив ее величественный образ. Он не только сохранил созданные Клеопатрой мифы о себе, но и развил их (безусловно, уже движимый заботой о себе). Так, он сотворил при помощи летописцев изумительную сказку о величественной картине смерти царицы, хотя смерть Клеопатры от укуса змеи не только сомнительна, но и маловероятна, на что указывали многие поздние исследователи. Однако Октавиан во время триумфа велел пронести статую Клеопатры, обвитую змеей, что закрепило этот миф навсегда. Те, кто шел в истории вслед за Клеопатрой, вынуждены были поддерживать и развивать сотканные ею же нити романтической легенды об одной из самых выдающихся женщин в истории. Как это ни удивительно, но даже раздутый Октавианом миф о сексуальной развращенности Клеопатры пошел на пользу узнаваемости ее образа в истории. То, что Клеопатра была искусна в любовных играх, сомнений не вызывает. Однако аргументы поздних исследователей жизни египетской царицы более чем весомы: Клеопатра вынуждена была оставаться разборчивой в постельных делах по очень многим причинам. Во-первых, давняя традиция Птолемеев требовала, чтобы голубая кровь династии не смешивалась с какой-либо другой. Есть все основания полагать, что Клеопатра свято следовала традиции царской семьи, как в религии, так и в методах управления государством. Сексуальная жизнь ранних монархов была неотъемлемой частью того незыблемого и неприкосновенного, что умещается в наши понятия о табу. Во-вторых, исторические сведения о Клеопатре говорят, что она, рассматривая секс как рычаг влияния на мужчин, находилась в поиске подходящего для себя мужчины. Ее поведение величественной правительницы не вязалось бы с представлениями народа о царской особе, если бы она позволяла себе легкомысленные постельные утехы. Обладающие властью всегда находятся во власти того, чем обладают, и потому не стоит забывать это пророческое замечание Ницше. Власть же Клеопатры была не только зыбкой, но и напрямую связана с физическим выживанием, так что вряд ли в такой ситуации женщина позволила бы себе рискованные излишества. Для Клеопатры маска, которую она носила, имела неизмеримо большее значение, чем реальная жизнь.

Нельзя не согласиться с теми исследователями жизни Клеопатры, которые, как уже отмечалось ранее, утверждают, что основное отличие ее пропаганды от методов современников – умелая театрализация собственной жизни. Со временем Клеопатра научилась любой жизненный акт превращать в представление и следовала своей привычке до смертного часа, рассматривая каждый жизненный эпизод как акт игры на сцене тем охотнее, чем неизбежнее оказывалась ситуация. Так она действовала с самого начала, когда впервые предстала Цезарю завернутой в ковры (быть может, эта история была придумана позже, а может, имел место театральный жест), и до самого последнего часа, когда сумела с леденящим душу хладнокровием принять смерть, предпочтя ее унижению. Возможно, настолько глубоко в подкорке у царицы засело фатальное восприятие великой и безумной торжественности подобного ухода (как сделал ее дядя, правитель Кипра, и это, очевидно, Клеопатра запомнила хорошо), что она не смогла удержать себя от подобного шага. Долгие годы визуализаций и психического настроя взяли свое – великая богиня не может позволить себе поступать так, как обычный человек. Интуиция побежденного человека подсказывала ей, что так выгоднее поставить точку, чем оттягивать минуту ухода, теряя магическую силу недостижимого восточного божества. Клеопатра сыграла спектакль, до глубины души потрясший даже холодного и беспощадного Октавиана.

Вряд ли, создавая увлекательную и таинственную легенду о себе, полную мистери и магического смысла, Клеопатра заботилась о том, чтобы стать частью истории. Ее проблемы, конечно же, были более приземленными: ей надо было царствовать, выживая при этом и сохраняя суверенитет и целостность Египта. Как и в детстве, выживание, царствование и сохранение атрибутов государственности были неразрывно связаны, а изменение одного из факторов гро-

зило низвержением и смертью. Грозная опасность заставляла рассудок оставаться холодным, держать себя в постоянном тонусе и готовности сражаться.

Для успешного царствования нужны универсальные рычаги воздействия на общественное сознание, и тут Клеопатра не была оригинальной. Она лишь воспользовалась тем, что ей передала в наследство династия Птолемеев: нагромождение устрашающих религиозных символов, мощь военной машины и исконное богатство Египта, служившего житницей и сокровищницей великой древней империи. Дополнительным приобретением египетской царицы оказались действительно могучие и обширные знания.

И все же Клеопатра осознала: она должна выделяться, быть экстравагантной и неординарной, уметь изумлять и шокировать все многонациональное сообщество могучей империи. Личность царицы должна быть плотно окутана пеленой легенды, что создает завесу неприступности и божественности властительницы. И конечно же, миф призван усилить экспрессию восприятия личности, внушать благоговение собственному народу и уважение соседним. Мифы для правителей служат для замены их недостающих качеств. Например, история о появлении Клеопатры перед Цезарем, завернутой в ковер, призвана продемонстрировать решительность властительницы. А легенда о ее неопишуемой красоте, пленившей диктатора Юлия Цезаря, служила прямым свидетельством отсутствия признаков физического совершенства...

Клеопатра, несомненно, совершала ошибки, и ей не чужды были многие человеческие слабости; как и все женщины, она искала любви и признания, оставаясь уязвимой. Но ее усилия не оказались тщетными: пройдя через собственные ошибки, она искрящейся кометой вошла в историю. Клеопатра интересна в первую очередь тем, что сумела продемонстрировать, что женщина способна играть несколько ролей одновременно, оставаясь матерью, подругой, любовницей и государственным деятелем.

Жанна д'Арк (Жанна Дарк) **6 января 1412 года – 30 мая 1431 года**

Символ женщины-спасительницы, отображение феномена женской силы и мужества

*Для этого я рождена.
Жанна д'Арк судьям*

*И она вошла в века как Орлеанская Дева.
Анатолий Левандовский, автор биографического романа о Жанне д'Арк*

Имя Жанны д'Арк известно если не всем, то почти каждому. К началу XXI века этот демонический персонаж вынырнул из Истории в обрамлении таких противоречивых мифов, что в этом заманчивом хитросплетении нелегко отделить нетленные реалии от патетического пепла людской молвы. Бедная воинственная пастушка из маленькой французской деревеньки оказалась сродни таинственному вулкану, неожиданно извергнувшему в пространство всю мощь и величие и так же внезапно застывшему навечно под собственной лавой на века. Может быть, Жанна д'Арк – лишь притягательная сладостная иллюзия для людей, так любящих мистические символы?

Личность отрешенной в своей необъяснимой миссии девушки, явившейся для спасения родины, столь неуловима, что осознать предпосылки ее мотивации и истинную природу деятельной натуры можно лишь путем многочисленных противопоставлений исторических фактов, не слишком доверяя авторам летописей давно минувших событий, значительно приукрашенных и измененных позже самими участниками тех загадочных и беспокойных дней.

Но даже в сопровождении такого мистического и сложно объяснимого шлейфа комментариев одухотворенная патриотическим фанатизмом личность может быть взята для беспристрастного препарирования ее жизненных установок, составляющих звенья неискушенной и в то же время феноменальной стратегии. Наиболее удивительной представляется та ее часть, которая связана с появлением самоидентификации великой миссии спасения, а также необычайно высокой для крестьянской девушки самооценки совершить задуманное. По всей видимости, ответы на эти вопросы своими корнями уходят в детство Жанны, которое преимущественно потеряно для исследователей; в нем больше предположений и домыслов, нежели четко зафиксированных фактов. Тем не менее, спокойный и пристальный взгляд сквозь окутанную туманом толщу минувших столетий может помочь восстановить, по меньшей мере, ключевые элементы жизненной линии девушки, имя которой осталось в Истории овеванным всемогущими ветрами славы.

Не оспаривая и не преувеличивая заслуг средневековой воительницы, стоит лишь заметить, что созданный вокруг ее имени миф, несомненно, более значим, чем сама история мученицы, озаботившейся судьбой Франции. Но, мешая пониманию личности героини, завораживающая легенда о Жанне д'Арк, тем не менее, является самым красноречивым свидетельством безоговорочного принятия ее образа современным миром, создание нового маяка, светящего далеко за рамки национального. Жанна д'Арк стала частью коллективного бессознательного человечества, бессмертным символом воинственной женщины, которая из отчаяния и любви способна совершить поступки, кажущиеся невероятными.

От пастушки к воительнице. Трансформация жизненного сценария

Героическая история о Жанне д'Арк берет начало в крошечной деревушке Домреми в северо-восточной части Франции. Дети таких деревень взрослеют рано, ибо тягостный, почти каторжный труд средневекового крестьянина ускоряет жизненный цикл большей части народа, скорбно тянущего свою незавидную лямку. Исторические данные свидетельствуют о том, что быстро приобщающаяся к самостоятельности девушка с распространенным именем Жанна к моменту начала трогательной легенды уже включилась в бесконечную спираль труженицы, точку в которой неизменно ставит лишь смерть, освобождая от необходимости дальше бороться за выживание и передавать суровое бремя по наследству.

Детство Жанны не пестрит важными для исследователя фактами, однако некоторые сопутствующие штрихи биографии заметно усилили выразительность восприятия исторического момента жестокой эпохи.

Во-первых, Жанна имела старших братьев, и к часу приобщения к изнурительному крестьянскому труду девочка отчетливо видела свою безрадостную и в определенном смысле жуткую перспективу. Когда к пятнадцати годам она превратилась в полноценный винтик работающей семейной микросхемы, начав ткать, прясть, шить, стирать, пасти скот и убирать дом, старшие дети давно уже освоили эти нехитрые ремесла, но семья, как и прежде, балансировала между благополучием и нищетой. Так же как вся ее родня, Жанна с детства не могла не осознавать, что все ее дальнейшее существование не сулит ничего замечательного, кроме продолжительной, непрерывной работы до изнеможения и безрадостного конца, скорее всего, в нищете и болезнях.

Во-вторых, война в течение нескольких десятилетий раздирала ее родную землю и народ. Война была неотъемлемой частью окружающей девочку действительности. Вряд ли такая сложная категория, как патриотизм, была значимой для крестьян маленькой деревушки, но для простого народа, навечно прикованного невидимыми цепями к земле, всегда предпочтительнее иметь одного могучего хозяина, чем нескольких господ сразу, которых конкуренция делает еще более неумными и беспощадными. Именно с таким единым хозяином и ассоциировалась королевская власть, которая могла карать, но была способна и защищать свой народ: в головах дисциплинированного люда вера в «своего» короля вбивалась с такой же строгостью, как и почитание строгих религиозных правил. Реальное ловко переплеталось с навязываемыми в течение столетий стереотипами, делая из рядового обитателя любой страны биологически управляемое существо, вынужденное более всего заботиться о выживании рода и элементарном благополучии семьи. При этом могучие формы средневековой пропаганды в виде проповедей безжалостных «глашатаев неба» и хитроумных интриг местных властителей, их почти неограниченная власть и лютые нравы красноречиво убеждали народные массы в необходимости верить в «своего» короля и «своих» религиозных наставников.

В детстве Жанна росла бесшабашным и довольно решительным ребенком, в условиях непрекращающейся войны и отсутствия внимания со стороны занятых вечной проблемой выживания родителей. Она воспитывалась отчаянным, преимущественно мальчишеским окружением, своеобразной формой улицы, бредящей освобождением родных земель и отмщением врагу. Идея противостояния внешнему врагу, в котором придавленное нищетой боязливое крестьянство пыталось увидеть все беды своей протекающей, словно в кошмарной лихорадке, жизни, выкристаллизовывалась постепенно, но неотвратимо. Причем если для мелких вассалов потеря земель означала потерю части дохода, то для самих крестьян засилье чужеземцев ассоциировалось с потерей перспектив вообще. Поэтому на фоне нерешительности и двусмысленности действий местных властителей, часто пытающихся тихо договориться с новыми английскими хозяевами о неких правилах игры, тихое волнение народа перерастало в ропот

и постепенно становилось все более реальным и набирающим силу движением, влияя, среди прочего, на формирование отрешенного характера будущей воительницы. Вполне естественно, что девочка незаметно пропиталась духом непримиримой борьбы и не раз демонстрировала решительность в своих юных поступках.

Часто не свойственная крестьянской девочке строптивость перерастала в открытое, демонстративное неповиновение окружающим, например родителям, которые пытались выдать ее замуж за деревенского парня, чтобы накинута брачную узду на часто выходящую из-под контроля дочку. В редком для негибкого и консервативного крестьянского мирка противостоянии родителям девушка поразила родню своей несокрушимостью и какой-то отрешенной неотступностью. Навязчивая идея некоей непонятной окружающим миссии освобождения к тому времени уже настолько созрела в ней, что стала единственной доминирующей мыслью. Каким образом она появилась, не знал никто, но отсутствие перспектив в существующем жизненном укладе, разрушенных войной устоях и непреодолимое желание изменить существующий миропорядок толкали девушку к действиям невиданной дерзости. Доподлинно неизвестно, имели ли место галлюцинации, которым немало времени уделяли исследователи феномена Жанны д'Арк, однако очевидно, что ее психика была не только чрезмерно восприимчива, но и необычайно возбуждена. Очень возможно, что Голос свыше был придуман несколько позже – для усиления экспрессии появления Девы-спасительницы и логического объяснения родне такого непонятного для обывателя превращения. Кроме того, если принять во внимание приводимые данные исследователей Перну и Клэна, у Жанны была еще одна веская причина покинуть родительский дом. Речь о том, что после ее неповиновения в вопросе замужества, что само по себе является вопиющим случаем для патриархальной средневековой деревни, отец угрожал строптивнице убийством и даже из боязни позора для семьи просил ее старших братьев утопить девушку, поскольку глава семьи был уверен, что Жанна намерена сопровождать солдат и стать публичной девкой. Таким образом, сложилась ситуация, когда девушке даже ради собственной безопасности лучше было исчезнуть. Наконец, еще одна часть исследователей указывает на чисто физиологические отклонения у Жанны, проявляющиеся в заторможенности развития, и, как следствие, отсутствие сексуального влечения. Так, Гринблатт не исключает эндокринных нарушений, которые наложили отпечаток на психику девушки. В частности, он отмечает отсутствие менструаций и половой зрелости, а также подавление сексуального влечения. «Мужчины не оказывали на нее притягательной силы, как и от нее не исходило сексуального возбуждения», – считает исследователь, не исключая, что галлюцинации и «дикий религиозный фанатизм» Жанны были следствием этого подавленного влечения. Приблизительно такого же мнения придерживается и другой исследователь, Гендерсон, утверждающий, что «комбинация солдата со святой возникает на основе психосексуальной незрелости». Если эти выводы имеют под собой серьезное основание, такой факт, несомненно, серьезно повлиял на уход Жанны из родительского дома. Так или иначе, вследствие физиологических или психических причин девушка была не готова к созданию семьи, на чем настаивали строгие родители. С этим, вполне естественно, связывалась устойчивая уверенность родственников и вообще сложного замкнутого мира крестьянской общины в том, что девушка не желает исполнять свою основную функцию – обеспечить появление на свет здорового потомства, способного поддержать цикл семейной борьбы за существование. Не вникая в природу проблем Жанны, стоит подчеркнуть, что ее намеревались заставить исполнить ненавистную ей роль любой ценой.

Таким образом, вся жизнь несчастной девочки-подростка крутилась вокруг сохранения собственной идентичности, угрызений совести за благополучие семьи и общины и борьбы с надвигающейся безысходностью. Будучи придавленной жизненными обстоятельствами и, по всей видимости, собственной психофизиологической неспособностью выполнить возлагаемую на нее функцию, Жанна, несомненно, желала помочь своей семье и настойчиво искала иной,

альтернативный и близкий своей природе путь для решения проблем семьи. Об этом свидетельствует и зафиксированный много позже факт, что по достижении особого положения при королевском дворе девушка имела лишь одну просьбу, связанную с улучшением жизненных условий своих односельчан и освобождением их от налогов. Косвенно такую гипотезу о формировании мотивации Жанны д'Арк подтверждает еще один признанный факт: на первый взгляд, странное сочетание в характере девушки мягкосердечия, доброты и безудержной воинственности. Собственная бесперспективность как женщины в общине и наличие маскулинных черт подтолкнули Жанну к реализации исключительно мужской идеи для решения такого сложного ребуса, подброшенного жизнью. Естественная для крестьянской девушки примитивность мышления, отсутствие знаний и актерского таланта на фоне детской прямолинейности привели к неспособности полного вытеснения женского в принятой «мужской игре». Это женское эмоциональное не раз прорывалось в актах мягкосердечия и принятия неожиданных, порой крайне рискованных, связанных с театрализацией действия, решениях. И как раз эта добродушная простота и примитивность предопределили судьбу девушки, а заодно и рождение мифа о Жанне д'Арк. Потому что организаторы великолепного шествия Девы-освободительницы не могли бы позволить себе рискнуть ввести на арену другую Жанну, умную, хитрую, знающую изнутри гнусность того мирка, в котором обитали души так называемой королевской элиты. Это было бы слишком опасно. Образ же простой девушки, искренней в своих побуждениях и заблуждениях, внушал доверие и вполне устраивал всех, ибо его, как очевидно полагали организаторы освободительного акта, можно было стереть со скрижалей Истории в любой момент.

Но Жанна действительно была бесстрашной и многим напоминала воинственно настроенного зверя из загнанного в тупик стада; когда смерть заглядывает в глаза, ужасая своей неотвратимостью, бросаться грудью на противника становится легче. В глубине мотивации Жанны лежала безысходность, а необходимость бороться за более понятное будущее стимулировалось еще и ее демонстративным, алчущим признания естеством. Признанные факты трепетного отношения Жанны к экстравагантному, дорогому и большей частью мужскому одеянию, а также слишком откровенного, даже какого-то патологического возвеличивания утвержденной для освободительного движения символики говорят о неумной жажде признания, которое было призвано стать отменной компенсацией ее отвержения общиной. Двигаясь со знаменем на занятые англичанами укрепления вблизи Орлеана, она как бы наблюдала себя со стороны, и холодок восхищения собой, проскальзывающий между лопаток, неизменно был более могучим и притягательным стимулом, чем извечный страх смерти на поле брани.

Важно, что к моменту идентификации девушки окружающими как некоего отчаянного существа, созревшего для бескомпромиссной борьбы, она уже несколько раз посетила своего местного начальника, которого крайне беспокоило вторжение английских завоевателей в его законные владения. Не исключено, что эти визиты, или, по меньшей мере, один из них, были продиктованы порывом отчаявшейся девичьей души, готовой к более решительной борьбе, чем ее запуганные односельчане. Но объективно, дальше ее самостоятельность заканчивается, а деятельность Девы-спасительницы плавно и незаметно для окружающих трансформируется в проект кого-то из окружения дофина Карла Валуа. То есть речь идет о последовательности восприятия идеи появления воинственной девушки-освободительницы в головах, которые пытались управлять наполовину захваченным государством. Эта идея тщательно вынашивалась, а режиссеры детально прорабатывали различные сценарии деятельности воинственной девушки. Это подтверждают и сроки принятия решений королевским окружением, которому надо было многое взвесить, прежде чем допустить к дофину фанатичку. Первое посещение шестнадцатилетней девушкой местного королевского управителя отделено от второго семью месяцами – сроком, достаточным для обдумывания необходимости и возможности выведения на арену такого образа, как женщина-освободительница. Еще несколько месяцев ушло на всевозможные «испытания» при королевском дворе. Бедная, необразованная крестьянка априори не имела

бы никаких шансов на участие в военном освободительном походе, если бы ее отчаянное бесстрашие не оказалось на руку некоторым влиятельным вельможам из ближайшего окружения монарха. Ее заметили, о ее роли и возможной миссии призадумались только потому, что она становилась частью чьей-то игры, она должна была стать раздражителем, который либо развивают и поддерживают, либо устраняют. Действительно, если судьбой Жанны д'Арк озаботились многие влиятельные лица, в чем тогда личная заслуга девушки и где прослеживается ее стратегия? Оказывается, в этот судьбоносный для себя период Жанна проявила завидную выдержку и стойкость. Она продемонстрировала не только неискушенное деревенское простодушие, но и уравновешенный, покладистый характер, поражающую окружающих и вместе с тем спокойную энергию и безумную уверенность в победе. Она сумела оправдать ожидания погрязшего в пороках и грехах двора, сумела продемонстрировать и убедить, что она иная, и этим внушить двору мысль, что она справится с задачей.

Когда из далекой, находящейся под контролем противника провинции от местного управленца поступили сведения о появлении некой воинственной и отчаянной крестьянки, кто-то из окружения будущего короля сумел осторожно навязать наследнику с неустойчивой психикой мысль, что девушку можно попытаться использовать. Во-первых, для поднятия духа сражающихся и, прежде всего, осажденных в Орлеане. Во-вторых, для привлечения к освободительному движению широких народных масс. И наконец, для изменения настроений в массах в пользу Карла Валуа, что окажется подтверждением со стороны народа легитимности его власти.

Многочисленные проверки психического потенциала и природы устремлений странной девушки, к которым были подключены чиновники, духовенство и целая команда шпионов, убедили организаторов проекта, что Жанна обладает всеми необходимыми качествами: достаточно устойчивой психикой, невероятной, неосмысленной и почти болезненной установкой на освобождение Франции, а также совершенно необходимым для этого отсутствием интеллекта. Ей вполне можно позволить осуществить задуманное, осторожно направляя действия и при необходимости ограничивая авторитет в массах при помощи приставленных военачальников. В идее использования девушки действительно была оригинальная деталь, изюминка, которая делала всю затею весьма привлекательной, сложно объяснимой для обывателя, а значит, заключающей в себе некое таинство. Полководец-мужчина – это совершенно понятное явление, но оно логично и для противника. Значит, такой военачальник, не обладающий авторитетом и необходимой для воителя зажигательной харизмой, не будет иметь успеха. Тем более в государстве, где претендент на корону не способен был повести за собой войско, а никто из его высшего окружения не был в состоянии исполнить эту роль, проблема могла быть решена удивительным способом – за счет привлечения некой мистической, облеченной в пелену тайны фигуры. Хрупкая и мягкая девушка, закованная в латы, оснащенная всеми атрибутами военачальника и символами победоносного воителя, а также обладающая мужеством исполнить заявленную роль, – это угроза для врага и воспламенитель для собственного народа. Конечно, в начале пути не было никакой уверенности, что Жанна обладает тем необходимым для военных действий уровнем бесстрашия, который, пусть даже не сокрушая врага, позволит воодушевить народное ополчение. Но подкупала ее твердая вера в свою миссию и четкая ориентация на победу. Кроме того, в случае неудачи ее можно легко ликвидировать, приписав все таким же небесным волеизъявлением, как и ее появление. Можно с высокой долей уверенности предположить, что во время пребывания при королевском дворе после принятия окончательного решения использовать Жанну в качестве альтернативы полководцу, девушку подбадривали и готовили к роли. Возможно, на нее и не возлагали больших надежд, однако дух защитников осажденного Орлеана она должна была поднять. Девушке подарили коня, ее одели в довольно дорогие одежды (последнее привело ее в восторг, обнажив женское, чисто эмоциональное восприятие происходящего), ей вручили символ военной власти и победы – знамя,

позволив оформить его по своему усмотрению. С ней провели психологическую подготовку, обрисовав, чего от нее ожидают. Режиссеры-невидимки, люди-тени, которые готовили Жанну д'Арк (а в то время еще просто Жанну Дарк) к первому акту театрализованного представления, хорошо представляли, что им нужно, – снять осаду с Орлеана и возродить веру народа во Францию, что даст хорошие козыри для ведения переговоров с англичанами и перешедшим на их сторону Бургундским герцогом. Жанна же не осознавала пределов борьбы, она ступила на путь отступничества, сменив роль, пол и восприятие мира. Впрочем, никто не считал обязательным посвящать ее в детали дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.